

КРОКОДИЛ

№ 1 ● январь ● 1982

ISSN 0130-2671

— Хорошо в лесу Новый год встречать, и елка цела осталась!

Рисунок Е. МИЛУТКИ.

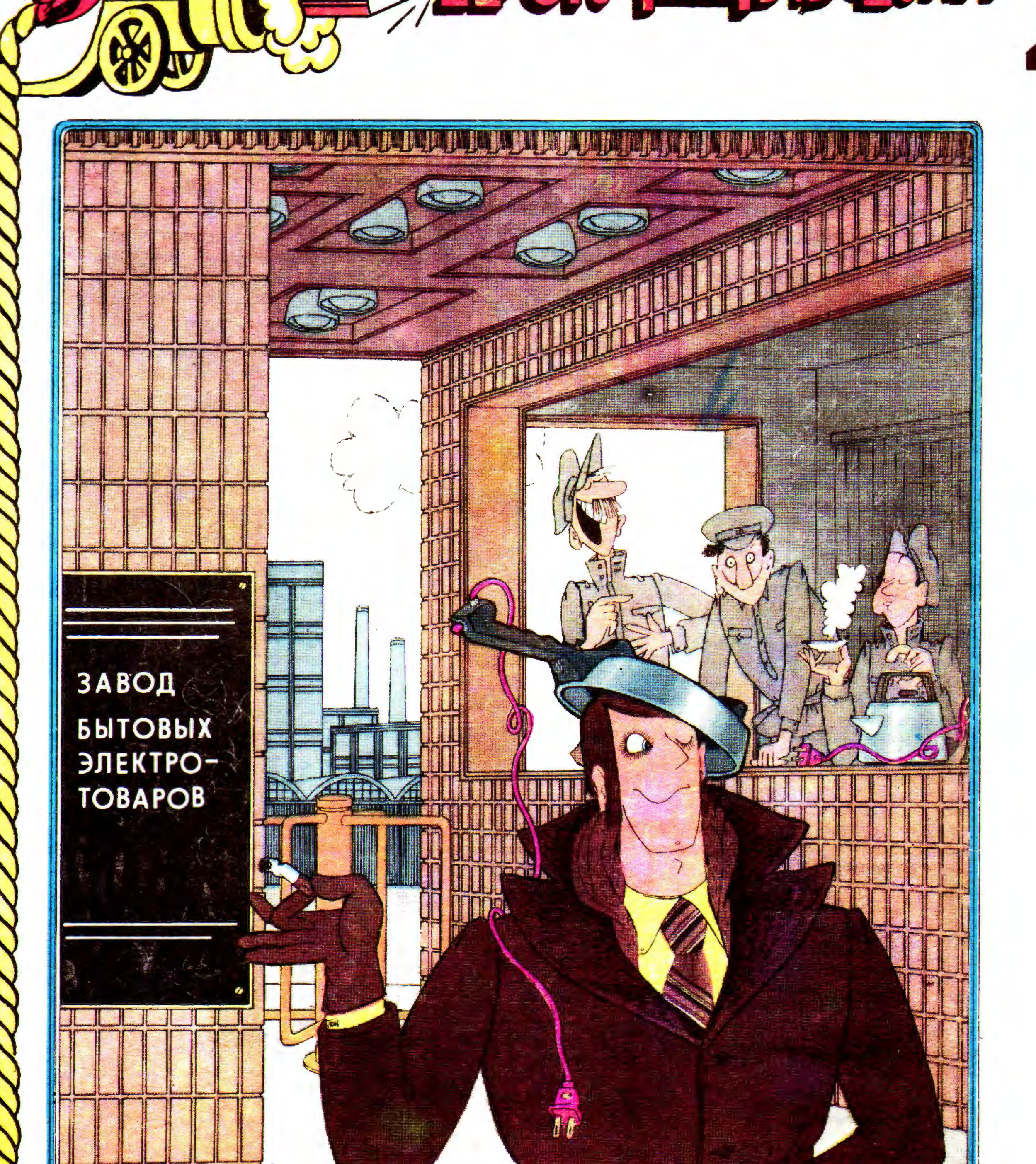
КРОКОДИЛЬСКИЙ ИЗОЗАЛ

С юбилейным!

Новый год грядет... Уходит старый,
И куранты звонко говорят:
С Новым мирным годом, юбиляры!
С юбилейной датой—шестьдесят!
Это за шестидесятилетье,
За сияние кремлевских звезд,
За республик дружное соцветье
Прозвучал над всей страною тост.
И снежок кружится веселее,
В окнах свет и ярче и теплей...
Слейтесь, трудовые юбилеи,
В славный Всесоюзный Юбилей!
Токарь, хлебороб и пограничник,
Машинист, артист и сталевар—
Каждый, кто работает отлично,
Может быть уверенным, что лично
Он сегодня тоже юбиляр.
Скромность, как известно, украшает...
Пусть меня не упрекнет никто —
Скромность, полагаю, не мешает
Мне, друзья мои, напомнить, что
И меня судьба не обделила —
Пополняю юбиляров ряд:
Юбилейный год и «Крокодила» —
Мне ведь тоже стукнет шестьдесят.
Но не размягчусь я ни на йоту,
Не спою романс «Я все прощу!»
И свою обычную работу
Даже в юбилей не прекращу.
С крокодильским юбилейным жаром,
Не жалея самых «теплых» слов,
«Чествовать» особых «юбиляров»
На своих страницах я готов.
Чествую сейчас главу стройтреста:
Он объект возводит десять лет.
Заложил фундамент — и ни с места...
Есть субъект, объекта долго нет.
Вот вам персонаж иного рода,
И о нем особый разговор:
За полгода ровно ползавода
Переправил он через забор.
А об этом деятеле справка:
В пояснице боль его гнетет —
Он уже пять лет из-под прилавка
Кой-кому товары продает.
Год прошел, как эта дама хмуро
В ателье мурыжит ваш заказ,
Но за шелестящую купюру
Просияет тотчас: «Всё для вас!»
Это жук. А жучья сверхзадача —
Спекулируя, копить рубли.
Нынче отмечает он удачу:
У него на имя тети — дача,
А на имя дяди — «Жигули»...
Заверяю, сил не пожалею —
Вилы каждый день точить не пень,
Чтоб на наши с вами юбилеи
Эти типы не бросали тень.
А снежок кружит все веселее,
Огоньки на елках все теплей.
Я — за сталеваров юбилеи,
Хлеборобов и учителей,
Мастеров, прославленных народом,
Всех, кто сил в работе не щадил...
Дорогой читатель, с Новым годом!
С юбилейным годом!

КРОКОДИЛ.

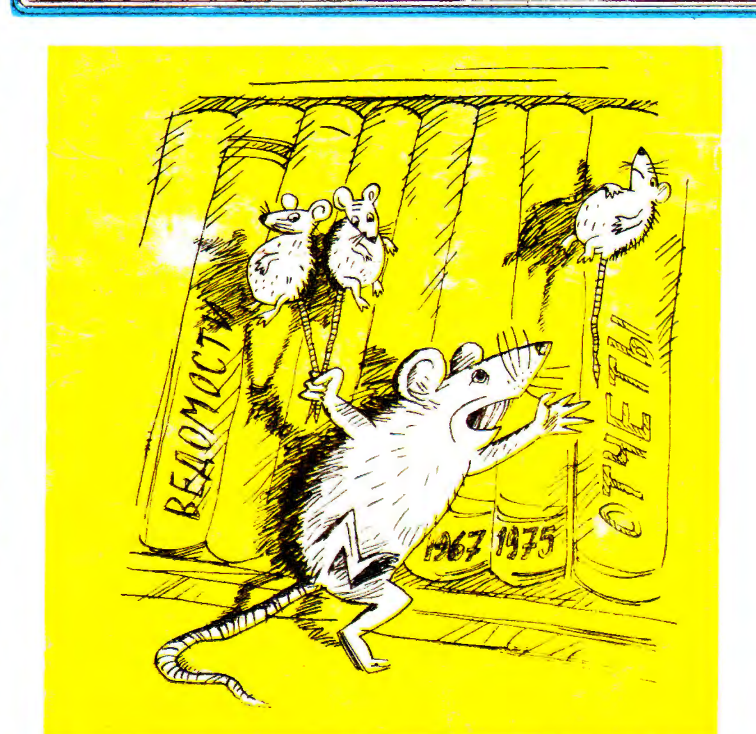
Юбилейное послание доставил
Сергей РЕВЗИН.

ВОТ КАКОЙ РАССЕЯННЫЙ.

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА.

— Опять дутых отчетов наелись!

Рисунок С. СПАССКОГО.

В некоторых автопредприятиях и организациях еще встречаются случаи использования специального автотранспорта в личных целях.

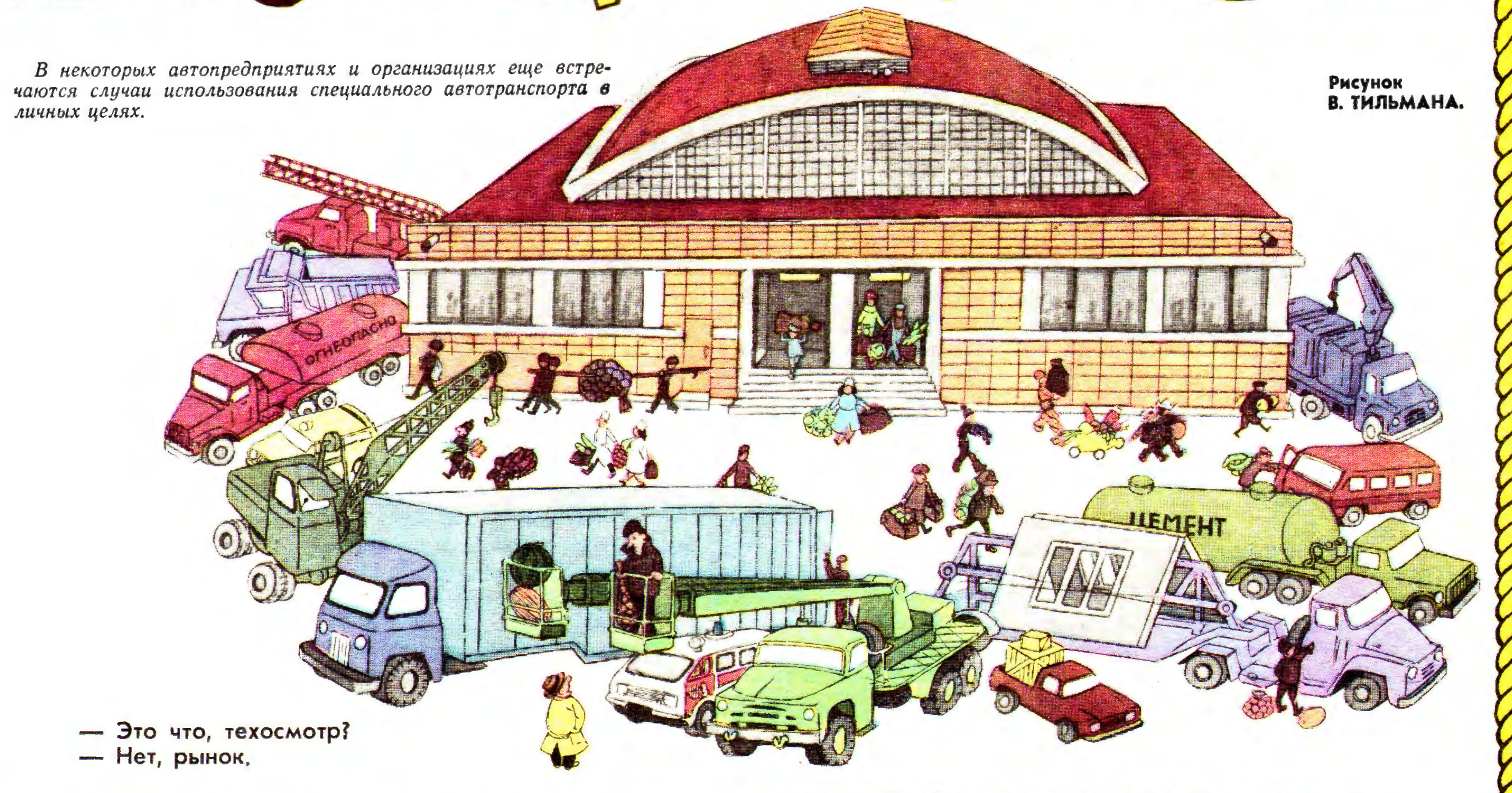

Рисунок В. ТИЛЬМАНА.

— Это что, техосмотр?
— Нет, рынок.

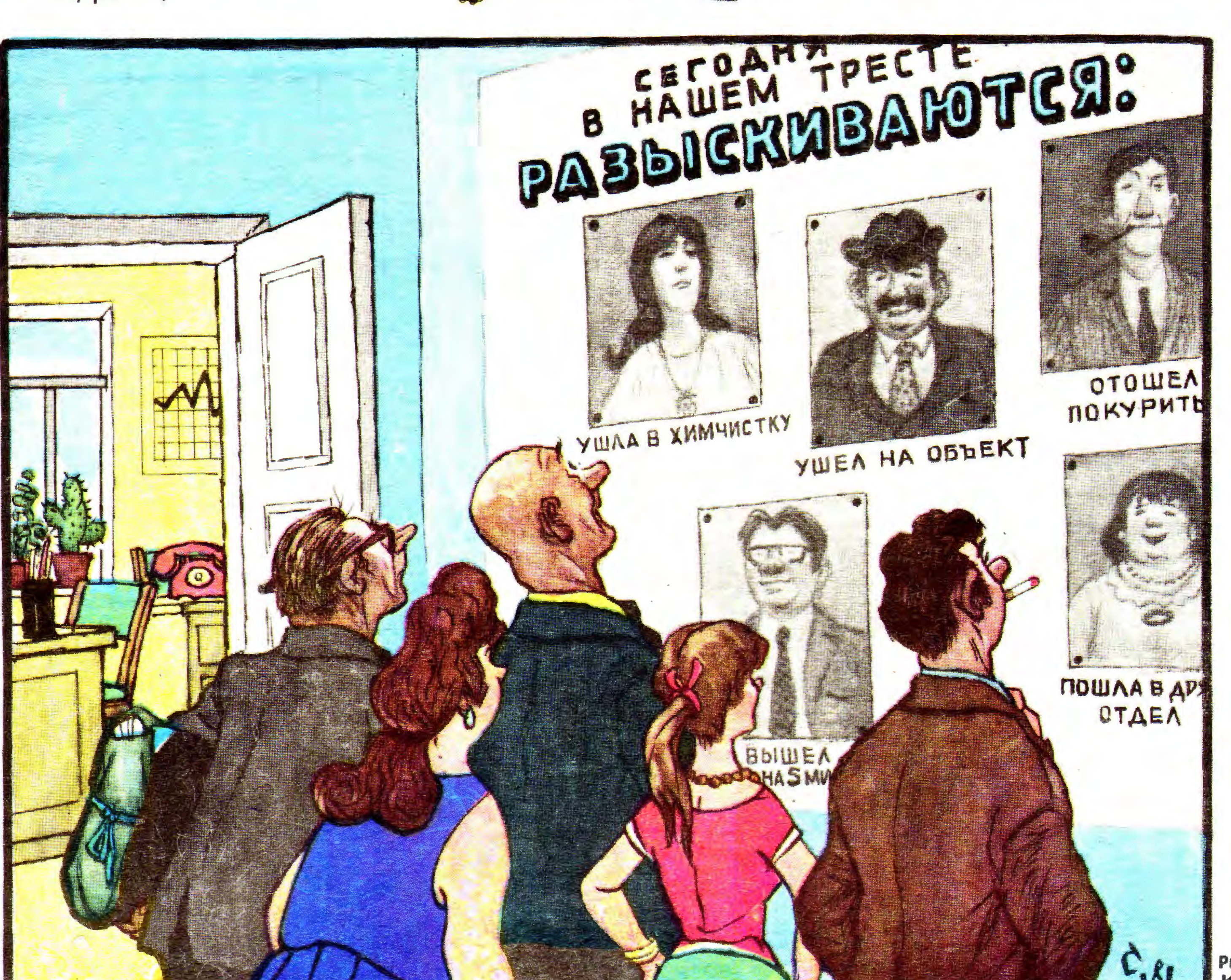

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

МИЛЛИОН ДО ПОЛУЧКИ

СЕРЕБРЯНЫЕ ДОЯРКИ

В. КАНАЕВ, специальный корреспондент Крокодила

«Не везет нам»,—говорит председатель одного колхоза. А почему?

«Во всем обходимся своими силами»,—говорит председатель другого колхоза. И результаты налицо...

И как только ни измывались кредиторы над своими должниками! В стародавние времена всего лишь за просрочку погашения ссуды человека могли бросить в долговую яму! Представляю себе, каково было сидеть в этой яме. Небо, конечно, с овчинку. Сыро, холодно. Б-р-р! Да вдобавок каждый зевака пальцем показывает. А вылезти нет никакой возможности. Яма-то глубокая. Небось, ее сами кредиторы копали...

А нынче должникам вольготно. Вот, к примеру, колхоз «Победа» третий год не возвращает Починковскому отделению Госбанка миллион рублей и, как говорится, в ус не дует...

Недавно я был в том колхозе. На центральной усадьбе гордо возвышалось двухэтажное административное здание. Ну, натуральный дворец в современном стиле! Захожу внутрь. Ни души. Хотя, между прочим, рабочее время было. «Может, всех конторских работников,— мелькнула ужасная мысль,—во главе с колхозным председателем того, в долговую яму?»

— Люди!—невольно вырвалось у меня.

— Уди-уди...—мячиком запрыгало по ступенькам широкой лестницы эхо.

— Ты чего кричишь, как оглашенный?—внезапно появилась из кабинета главбуха тетя с мокрой тряпкой.

— А где же народ?—обрадовался я единственной живой душе.— Неужели в яме?

— Силосную яму уже заложили,— удивилась она моему незнанию сельских дел и, посмотрев в окно, сообщила:— Ежели ты к секретарю партийной организации Цыганкову, то вот он идет по улице.

Я выбежал навстречу тов. Цыганкову. Он был в перепачканной глиной телогрейке. Ну, словно из долговой ямы вылез. Но тов. Цыганков так объяснил свой наряд:

— Меня на сегодня наш председатель Шукалин отпустил домой печку перекладывать.

— А где сам Александр Афанасьевич?

— Уехал родственников навестить в Рославль.

Стало ясно, почему контора опустела. Остальные работники последовали примеру руководства.

Потолковать с председателем удалось лишь через день, когда он вернулся от родственников.

— Не везет нам, и точка!—коротко сказал он.

Колхозу и впрямь не везло. В этом году погибло двести гектаров льна. Всходы получились редкими, и всю площадь пришлось перепахать.

— Погода нынче не баловала,—объяснил причину неурожая председатель.— Дождей было очень мало. И те косые: все орошали поля соседних хозяйств.

Я заметил, что дорогая техника зимует под открытым небом.

— Конечно, в утепленных боксах техника сохраняется лучше. Однако на все денег не хватает,—тоном экономного хозяина заметил А. А. Шукалин.— Но мы не зря берем ссуды на строительство. Видите, какую контору отгрохали. Ни у кого в районе такой нет!

Раньше бухгалтеры успешно подсчитывали колхозные убытки в клубе. Новая контора или, как ее гордо называют, административное здание, обошлась колхозу в сто сорок две тысячи рублей. Зато в порядке экономии на бездействующем клубе повесили простенький, дешевый замок...

— Вот вы, чувствую, упрекаете нас,— вздохнул Александр Афанасьевич,—что, мол, неправильно хозяйство ведем. А нас не ругать, нам помочь надо. И так долги заели, а ведь опять придется обращаться в Госбанк за ссудой. Надо зарплату платить колхозникам...

Я вышел из конторы в некотором замешательстве. Как же так? Государство щедро выкладывает деньги на строительство, на покупку техники и семян. У колхоза есть неоценимое богатство—земля, на которой в принципе прекрасно растет лен. А вместо этого растут долги...

Но, может быть, действительно во всем виноваты погодные условия? Именно с погоды я и начал свой разговор со старшим агрономом Починковского районного управления сельского хозяйства Л. А. Борисовой. И первым долгом поинтересовался, как влияют косые дожди на урожаи льна в колхозе «Победа».

— Да там лен уже третий год пропадает,—сообщила Л. А. Борисова.—И, естественно, не из-за угла падения дождей, а по халатности главного агронома колхоза Мизенкова. Совсем он забросил свою агрономическую деятельность.

— Почему же управление сельского хозяйства терпит такого главного агронома?—удивился я.

— Уволим, как только найдем достойную замену,—заверила Людмила Александровна.—И вообще в этом хозяйстве нездоровый климат. В начале года возьмут высокие обязательства: «Первыми в районе проведем посевную!» И действительно, проводят первыми...

— Значит, все-таки стараются?

— ...первыми,— усмехнувшись, повторила она.—Но как? Наспех поковыряют землю, разбросают семена... И рапортуют: «Посевная закончена!» А результат плачевный: за эту пятилетку урожай льноволокна в среднем всего три с половиной центнера с гектара...

И корма, как выяснилось из дальнейшей беседы, заготавливать не успевали. Выручали шефы—наборщики и линотиписты районной типографии, которые, вооружившись топорами, рубили на корм березовые веники.

Животноводство приносило одни убытки. И они росли и росли. В позапрошлом году колхоз был должен государству шестьсот восемьдесят пять тысяч рублей. В прошлом—восемьсот шестьдесят девять тысяч, а нынче — уже миллион! Короче говоря, денежки проваливаются в яму, ту самую, куда, по-видимому, раньше сажали должников...

Итак, два колхоза.

И не зря они соседствуют на этих страницах. Они и на смоленской земле соседи и имеют общую границу. А почему один колхоз—миллионер, а другой—в долгах, как в шелках, ясно ответила управляющая Починковским отделением Госбанка Т. И. Ващилина.

— В нашем районе пятнадцать колхозов,—сказала она.— Десять председателей постоянно бегают к нам брать взаймы, а пять кладут денежки на колхозный счет. И земля везде одинаковая, и дожди идут под одним углом. Но вот странность— должники обычно и пахоту проводят в резвом темпе и рапортуют, что отсеялись первыми. А рачительные хозяева не поднимают шумихи, зато просто пашут, сеют, культивируют... Словом, добросовестно работают.

Читатель, наверное, ждал какого-нибудь невероятного секрета, успехов одного хозяйства и неудач другого. Секрет имеется, но он прост. Где председатель работает с умом, проявляет заботу о людях (помните «Сандуны» в телятнике!), там и колхозники стараются получать высокие урожаи и надои. А где председатель в рабочее время уезжает к родственникам, там и главный агроном отлынивает от дел, и остальные работают с прохладцей. Недаром говорят, что колхоз начинается с председателя.

А потом я побывал в колхозе имени В. И. Ленина. На счету у этого хозяйства хранится в Госбанке два миллиона рублей.

Я поинтересовался у бухгалтеров и счетоводов, которые работали на втором этаже Дворца культуры, где председатель.

— Где же быть нашему Сергею Ивановичу? Конечно, в гараже.

— В личном, что ли?—понимающе переспросил я.

Но на меня посмотрели с таким осуждением, будто я сказал что-то неприличное. Оказывается, рабочее место председателя колхоза находилось в колхозном гараже. Именно там С. И. Бизунов и оборудовал себе служебный кабинет.

...Сергей Иванович сидел на фоне знамен и почетных грамот, подсчитывая на электронном калькуляторе прибыли от продажи льноволокна.

— У ваших соседей шикарные административные здания,—оглядывая скромный интерьер, заметил я.—А вы, миллионер, в гараже трудитесь...

— Тут я планерки провожу, а потом идти к себе во дворец вроде бы нет смысла. Да на хоромы, откровенно говоря, денег жалко,— признался Сергей Иванович.—Но зато посмотрите, сколько мы понастроили...

Председатель привел меня в утепленный машинный двор, где в отдельных боксах нежились обласканные заботливыми руками механизаторов «Нивы», «Колосы» и картофелеуборочные комбайны.

— А земля негу тоже любит,—с крестьянской теплотой сказал С. И. Бизунов.— Ее вовремя подкормить и вспушить надо, чтобы не уставала. Дай полю отдохнуть под чистым паром. А еще нужно уважительно ее использовать, то есть проводить правильный севооборот. И тогда земля отплатит полным колосом.

И точно: на колхозных полях год от года растут урожаи. Так, в восьмой пятилетке брали по девятнадцать центнеров зерновых с гектара, а в десятой—уже по двадцать три. Отвечала на заботу земля...

Потом показал новенький, еще не заселенный телятник.

— Здесь телятам удобно будет. Но главное—мы позаботились о животноводах. Вот уже оформили красный уголок, вот тут раздевалка, душевая...

Шкафы в раздевалке могли поспорить по качеству и красоте с плательными шкафами иных мебельных гарнитуров типа «жилая комната», а душевая напоминала знаменитые «Сандуны».

— Наши телятницы выходят с работы всегда бодрые и свежие, будто из сауны,—с гордостью заметил Сергей Иванович.—И вообще, чтобы требовать хорошую работу, нужно создать максимум удобств...

По дороге к молочному комплексу С. И. Бизунов спросил меня:

— Вы заметили, у нас нет стогов?—И, выдержав паузу, ответил:—Это потому, что мы все сено прессуем. В стоге оно теряет около трети питательных веществ, а в прессованном сене витамины сохраняются полностью.

Возле молочного комплекса я увидел скульптурную композицию: две серебристые гипсовые доярки несут ведро.

— А это не декоративное излишество?—ехидно спросил я.—Наверняка этот шедевр обошелся в копеечку...

— Эти скульптуры достались бесплатно,— хладнокровно пояснил председатель.—Я их выпросил у дорожников...

Лет этак пятнадцать тому назад было модно украшать обочины автострад не слишком изящными гипсовыми фигурами. Но установил хозяйственный председатель гипсовых доярок неспроста. Конечно, они не могли доить буренок. Однако тяжелое ведро, что несли скульптурные доярки, напоминало о полновесных ведерных надоях, даваемых натуральными буренками колхозного молочного комплекса.

А там как раз трудился директор Дома культуры В. Б. Федотов. Он монтировал на стенах динамики.

— Хотим услаждать коров музыкой,— пояснил председатель колхоза.—Ученые говорят, что это повысит надои.

Буренки мирно жевали дробленую кормовую свеклу и силос. И от сытой жизни уже сейчас давали в среднем по двенадцать литров молока каждая.

— Именно за успехи в животноводстве,—сообщил председатель,—наш колхоз получил орден Ленина.

Но утаил, что сам он за доблестный труд в сельском хозяйстве удостоен звания Героя Социалистического Труда.

А в конце нашей беседы Сергей Иванович сообщил и вовсе фантастическую новость: в колхозе не пользуются услугами шефов. И прополку свеклы и уборку картофеля проводят не доценты и аспиранты, а сами колхозники.

— Во всем обходимся своими силами,—объяснил этот феномен председатель.—Людей у нас хватает, и кадры держатся крепко.

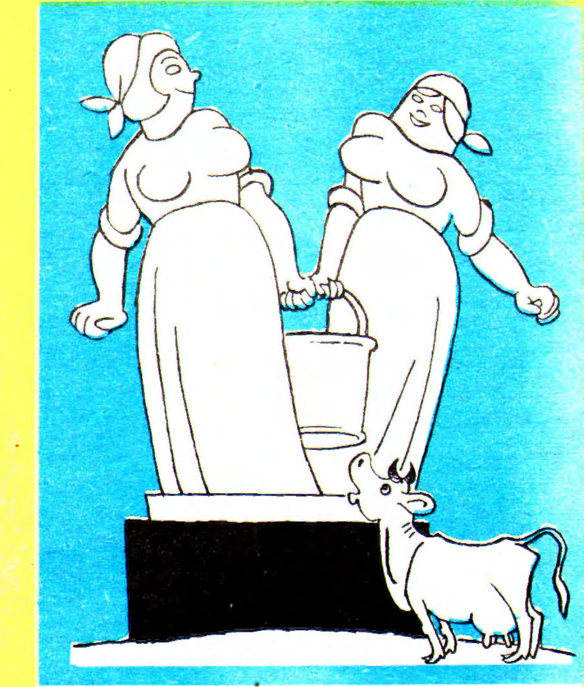
Но все-таки в колхозе наблюдается некоторая текучесть кадров. Так, агронома В. С. Ланкина перевели работать в совхоз-племзавод. Сейчас Владимир Степанович возглавляет это хозяйство. А бывший секретарь партийной организации колхоза И. С. Сиваков—ныне председатель Починковского райисполкома.

Другого бывшего секретаря парторганизации В. П. Сидоренкова выдвинули директором совхоза «Красиловский». А бывший агроном В. А. Трифонова теперь возглавляет партийную организацию колхоза «Заря».

— Конечно, отпускали этих товарищей с болью, но и гордимся ими,—по-отечески сдержанно заметил Сергей Иванович.—А за пятнадцать лет приняли в колхоз всего пять новых членов: красноярца Леонида Фадеева, челябинца Александра Егорова, Михаила Ларченкова из Белоруссии да двух москвичей: Валентину Леонтьеву и Юрия Левитана...

Оказывается, в колхозе готовилась передача «От всей души!» и знаменитые дикторы были приняты почетными колхозниками...

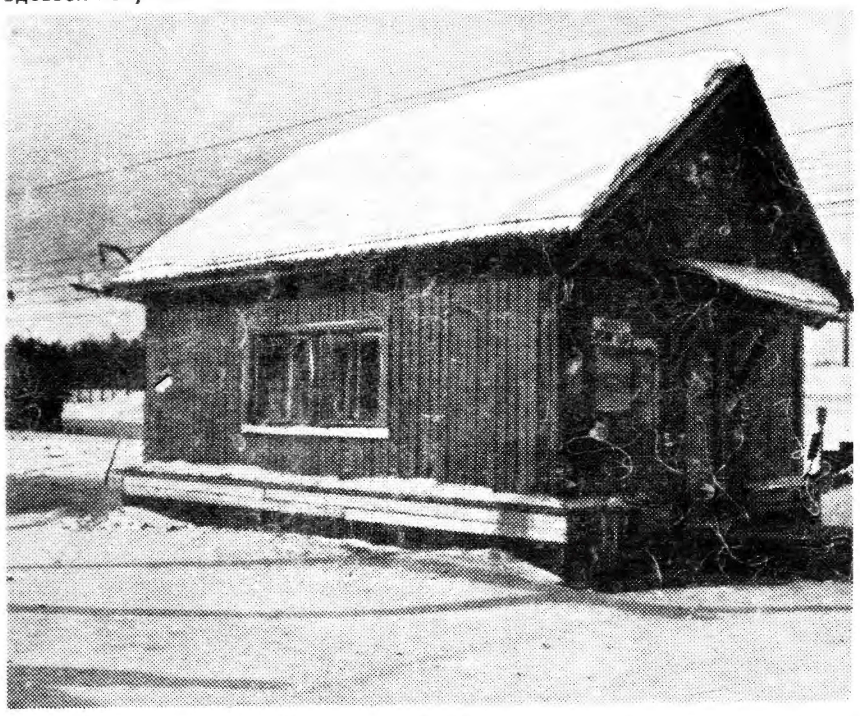
Починковский район Смоленской области.

К. ВАГАНОВА, Гр. КРОШИН, специальные корреспонденты Крокодила

В ЧЕМ ЗАГВОЗДКА?

Дано: известный сибирский город Братск с населением более четверти миллиона человек. Требуется доказать, что городу нужен железнодорожный вокзал. Вот и фотография, ясная, как морозный сибирский день, тоже прозрачно намекает, что совсем непристойно городу иметь вокзал в облике вдовьей избушки.

И не один десяток лет проблема эта не решается, хотя все «за» и никого «против».

Братское отделение дороги, к примеру, считает, что «необходимость в строительстве вокзала очевидна», и с этим своим мнением обращается к вышестоящему Управлению Восточно-Сибирской железной дороги. Может, тянет с решением вышестоящее начальство?

Не совсем так. Управление тоже имеет свою точку зрения: «Здание, в котором расположены билетная касса и зал ожидания, построенное в 1967 году, временного типа, деревянное, не соответствует своему назначению ни по площади, ни по своему техническому состоянию». Значит, персоналу работать в нем плоховато. А это же кровное дело профсоюза!

Оказывается, профсоюз тоже голосует «за». Отдел охраны труда ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта в лице тов. Смирнова считает так: «Существующее здание не соответствует никаким нормам; в частности, зал ожидания имеет площадь всего около девяти квадратных метров... Конечно, пора бы спроектировать новый вокзал». Ага, стало быть, проектировщики волынят?

Не совсем так. Проектировщики — институт Томгипротранс — готовы хоть завтра приступить к проектированию нового вокзала, если МПС включит эту работу в план института.

Ну вот наконец-то, кажется, подходим к истинному препятствию: министерство по каким-то причинам не желает...

Нет, и тут не совсем так. Желает министерство, да еще как: своим приказанием № Н-25476 от 17 августа 1977 года МПС предусмотрело проектирование и строительство нового вокзала на 900 пассажиров в Братске на 1980—1983 годы.

В чем же загвоздка, если, как поется в песне, никто не против, все — за?

Тут такой нюанс: хотя министерство и выразило свое четкое мнение в упомянутом приказании, но само с этим мнением, похоже, не согласно: оно не включило ни проектирование вокзала, ни его строительство в очередной план.

Запутавшись в этой ведомственной логике, мы обратились за разъяснениями в само министерство, прямо в Главное пассажирское управление.

— Да, было такое приказание МПС СССР,— подтвердил начальник пассажирского главка тов. Гридасов.— Но потом оказалось, что денег ни на проектирование, ни на строительство вокзала в Братске у нас нет. Поэтому он и был исключен из этого плана, и все это дело перенесли на потом. Примерно лет на пять.

— Значит, в следующей пятилетке вокзал...

— Нет. Это еще не решено. Но, видимо, будем его строить, будем. Подключим всех, кого надо. Изыщем средства. Вы совершенно правы: нынешнее положение нетерпимо.

— Значит, вы решили...

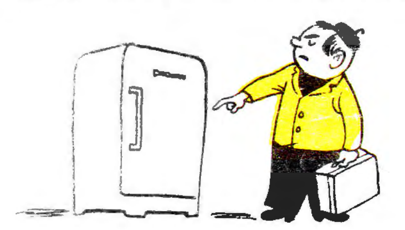
— Нет... Вернее, официального решения пока нет, но нам уже совершенно ясно...

И тут нам стало совершенно ясно, что никакой ясности ни у исполнителей, ни у руководства главка в этом вопросе нет.

Братск — Москва.

Рисунок К. НЕВЛЕРА.

Мастеру — на заметку

Я хочу специально для мастеров по холодильникам рассказать, как я ремонтировал «Оку». Не то чтобы я осмелился этих мастеров учить, но тем не менее мой опыт может им пригодиться.

Однажды я совершил оплошность и вызвал мастера из комбината бытовых услуг, чтобы привести в порядок холодильник. Он у меня ни с того ни с сего перестал морозить. И вот пришел мастер, очень важно все осмотрел и сказал, что вышел из строя морозильный агрегат. И что-де его надо выкинуть на помойку или, еще лучше, отнести в металлолом. И купить взамен, конечно, новый, который, между прочим, стоит рублей восемьдесят...

Таких денег у меня в ту пору не было. И когда мастер ушел, я решил сам осмотреть агрегат. Познания в этом деле, признаюсь, у меня мизерные, но кое в чем кумекаю. Вижу: реле лежит горизонтально. А известно даже мне, что оно должно быть в вертикальном положении. Я поднатужился, повернул его как надо и укрепил. И представьте, холодильник заработал как миленький!

Вот я и подумал: может, кто из наших больших специалистов по технике не знает всех этих тонкостей. Так я готов с ними поделиться опытом. Пусть возьмут на заметку.

В. ПОНИМАШ,

г. Горький.

Непривычно и обидно

Сижу я и раздумываю: написать ли благодарность, или жалобу? Скорее всего лучше жалобу на Петродворцовый часовой завод, который выпустил часы «Победа»...

Дело вот в чем. Живем мы с женой если не тридцать лет и три года, то почти с того времени, как выпустили эти часы, которые у меня сейчас на руке. За это время покупали жене часы не раз. Отчасти из-за моды. Поносит она их, поносит, а тут выпускают часы еще лучше, еще современнее. Двое же часов не будешь носить на одной руке: надо менять. Тем более, что к концу моды часы как раз и начинают работать с перебоями и даже ремонту не подлежат. Словом, скопилось их у нас уже несколько.

Теперь, добрый Крокодил, войди в мое положение. Почти тридцать лет таскаю одни и те же часы. Два раза с ними купался в реке, раза три они падали со стола—и ничего! А вот недавно встали. Я обрадовался: теперь новые куплю, электронные!

Однако сперва решил попробовать починить старые. Часовой мастер, который живет и работает в городе Кинеле, открыл крышку. И что же ты думаешь, мой любезный Крокодил? Он, этот мастер, одну малюсенькую каплю масла капнул куда-то внутрь, даже чистить их не стал: нечего, говорит, там чистить. И часы пошли. Так и хожу со своими часами, а они со мной. Верно мне служат и верно отсчитывают время. Да, чуть не забыл: корпус до сих пор как новенький...

Ну, как тут поступить, мой добрый Крокодил? Вроде бы благодарность надо написать. А меня все подмывает

настрочить жалобу на завод, который не дает мне следовать моде. А заодно жалобу на часового мастера: и разбирать часы полностью не стал, может, они перестали бы тикать, и смазал их едва, и денег не взял. Просто непривычно и обидно!

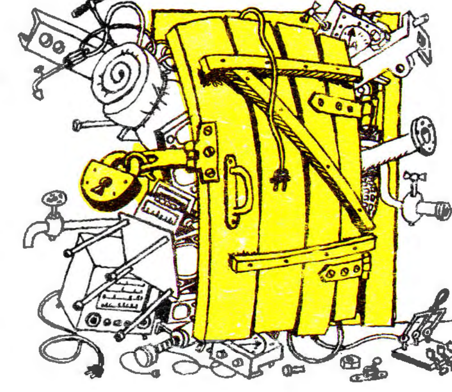
В. КРАЙНОВ,

Кинельский район Куйбышевской области.

М. ХАЗИН

ПОВЕРЬТЕ МНЕ НА СЛОВО

С профессиональным тщанием осматривал свои склады Николай Тимофеевич Ширяев.

Вот четыре реле времени для системы уличного освещения. А вот комбинированный электробензомотор, ампервольтметр, токоизмерительные клещи, пять электронагревательных котлов, три портативные радиостанции, два выпрямителя, реостат, стабилизатор напряжения, сварочный аппарат... Десятки специфических и хитроумных приборов, отличное состояние которых делало бы честь их хранителю, главному энергетику совхоза «Серебряные Пруды». Если бы... если бы он в разное время не украл их в совхозе.

Нет, он не замыкался в рамках узкой специализации: в его тайниках оказались четыре разномастных радиоприемника, рулоны металлической сетки и полиэтиленовой пленки, семь домкратов, телефонные аппараты.

Известно, что в любом совхозе всякого добра хоть пруд пруди, надо только наловчиться изымать его из хозяйственного оборота. И Ширяев без труда, вопреки известной пословице извлекал из «Серебряных Прудов» разные разности, получая при этом даже морально-эстетическое удовлетворение.

Со спортивным азартом он присвоил купленные для физического оздоровления коллектива пять спальных мешков, три охотничьих ножа, две палатки и резиновую лодку.

С мальчишеским задором умыкнул приобретенные в подарок подшефной школе кинокамеру, магнитофон, фоторужье «Снайпер», кинопередвижку «Школьник» и прочее кинофотооборудование.

Под угрозой находились уже крупный рогатый скот и свинопоголовье. Видимо, не зря же главный энергетик утащил прибор для клеймения животных.

Но переклеймить буренок и хрющек он просто не успел. И не потому, что попался и сам был заклеймен позором. Нет, просто за добросовестное и честное отношение к исполнению обязанностей его сначала рекомендовали, а потом избрали председателем колхоза имени Жданова того же Серебряно-Прудского района. Куда он благополучно и перевез награбленное.

На новом месте Ширяев сгоряча распотрошил спецавтомашину «Полевая столовая»; ее нутро в виде складных стульев, столов и посуды перекочевало к нему в дом.

Но на этом он вынужден был остановиться: воровать дальше оказалось просто некуда. То есть некуда складывать, ибо квартира, гараж и даже дополнительные помещения, предоставленные дружками, были уже забиты. Пришлось освобождать место для новых обретений.

Ближайшая барахолка находилась довольно далеко, и председатель решил сбывать краденое без отрыва от производства. На заседании правления он предложил улучшить условия работы руководителей колхоза путем приобретения для них двух радиоприемников за наличный расчет. Наличные он взял себе, а радиоприемники, натурально, вынужден был отдать. Позже он частично раскаялся в содеянном, залез ночью в кабинет секретаря парторганизации и вторично похитил приемник...

Вскоре уже решался вопрос о приобретении колхозом за наличный расчет электронагревательных котлов для животноводческих ферм и портативных радиостанций для оперативной связи между главными специалистами.

И только на этом этапе коммерческая деятельность председателя привлекла к себе внимание. Любопытны были его объяснения:

— Откуда у меня котлы? Ума не приложу. Видимо, подбросил какой-то озорник. Многое мне предложили неизвестные шоферы и пешеходы: нашли, говорят, и не знаем куда девать. А в хозяйстве всякая мелочь пригодится, поэтому за стакан водки я и покупал у них все. И потом: что вы привязались к моим двадцати тысячам в железной банке? В конце концов железная банка ничуть не хуже чулка или другой заветной захоронки...

Но дотошные и сообразительные люди покопались кое-где и нашли все «подкинутое неизвестными» в актах на списание пришедшего в негодность имущества. В свое время к этим актам аккуратно приложили руку многочисленные представители администрации и разных общественных формирований. Теперь они сконфуженно мямлили:

— Да кто ж его знал, что он такой нехороший. Мы ему верили на слово.

Поэтому поверьте и мне на слово. Во-первых, тем, кто продвигает человека по служебной лестнице, надо знать о нем хотя бы чуть больше, чем он сам того хочет. Во-вторых, тот, кто протягивает руку к государственному добру, одновременно переносит ногу за порог тюрьмы.

Сроки отсидки, правда, могут быть разными. Ширяеву, например, достался восьмилетний срок. С конфискацией имущества.

Московская область.

Федор АБРАМОВ

Трава-мурава

Когда Крокодил позвонил Федору Александровичу Абрамову, писателю очень серьезному и очень грустному, автор знаменитой тетралогии «Братья и сестры» и многих других глубоких, колоритных произведений о северной деревне несказанно изумился:

— Чем же я-то могу быть полезен Крокодилу?

— Ежели так-сяк умишком пораскинуть,— Крокодил пытался подражать самобытному слогу писателя, — наши с вами заботы, Федор Александрович, не в разные стороны глядят, на сути-то сходятся: где что худо — чтоб получше стало, где болит — чтоб не болело... А форма литературная — дело десятое. Юморески-то, случается, и мне оскомину набивают, на соленое тянет. Только вот романа мне на своих страницах не осилить, не пособите ли чем попроще?

— Ну что с вами поделаешь... Поглядите-ка на новый цикл мой — «Траву-мураву», может, сгодится что...

Теперь дело прошлое, почему не признаться? Лукавил Крокодил в разговоре с писателем: давно уж рукопись «Травы-муравы» прочитал, а прочитавши, ахнул— еще сколько рассказов, да еще как сгодятся! Читатель, верно, тоже с этим согласится...

Максимов путик

Иду Широким холмом. Замшелые ельники, ягодные болота, травники, сухие веретейки-грядки, выстланные веселым курчавым беломошником. Все места, все урочища, которые любит дичь. А самой дичи нет — за весь день ни единого пера не видел.

И вспомнилось мне, что именно через этот Широкий холм пролегал когда-то охотничий путик Максима Матвеевича.

Максим Матвеевич с малых лет кормился охотой, и его путик, его охотничьи угодья не имели себе равных. Осенью пойдет силки проверять — глухарей да рябов столько напопадает, что из лесу вынести не может. На лошади иной раз приходилось ездить.

Ваня, племянник Максима Матвеевича, сколько уж лет упрашивал старика:

— Дядя, покажи мне свой путик, пока ходить можешь.

— Покажу, покажу, Иванушко,— отвечал старик и все откладывал и откладывал. Жалко ему было вводить в свои угодья другого человека, хоть этот человек и доводился самой близкой ему душой (Максим Матвеевич был холостяк), потому что путик этот — вся его жизнь, все его радости за восемь десятков лет.

Наконец подошло время, когда откладывать дальше было некуда, и старик сказал:

— Пойдем-ко, племяш, в лес, я тебе свои угодья передам.

Пошли. Переехали в лодке за Пинегу, начали подниматься вверх по ручью, а старик и идти не может.

И тогда он сел на старый пень и заплакал:

— Ох, Иванушко, Иванушко, мне ведь не сходить. Не несут ноги. Наказал меня господь за жадность.

Так и задичали, захирели знаменитые угодья Максима Матвеевича.

Урок

(Рассказ старого рабочего)

— Выключатель у меня перегорел. Иду к управдому: так и так, авария дома небольшая. Пришлите рабочего. «Пиши заявление».— «Я неграмотный». Принципиально не захотел писать. Что это такое? По каждому пустяку бумажка. Ну, заявление за меня написали — из уважения к годам.

Ладно. Назавтра жду. Утром нету, днем нету, является минут за пятнадцать до окончания работы. Молодой парень. Нынешняя, так сказать, рабочая смена.

— Чего у вас?

— Света нету. С выключателем, наверно, что-то не в порядке.

Потрогал выключатель, покрутил головой.

— Сегодня не успею. Работа тут немалая. Придется до завтрашнего дня подождать.

— А почему же,— говорю,— ты раньше-то не пришел?

— А раньше никак нельзя было. Раньше в других квартирах чинил...

— Значит, без света мне сидеть?

— Да уж так,— смеется.

— Посмотри-ка, — говорю, — на часы на стене. Сколько там накачало? Без десяти семь?

— Без десяти.

— Садись,— говорю.

Подал ему табуретку, сам снял пиджак, надел фартук, надел очки, раскрыл у него чемоданчик, взял отвертку. Починил за семь минут.

— Ну,— спрашиваю,— сколько надо времени, чтобы починить выключатель?

Ухмыляется.

— А зачем же вызывать, раз сами все умеете?

— А затем,— говорю,— чтобы на тебя, подлеца, посмотреть.

— Но, но...

— Без «но»! Сиди и слушай, что тебе говорят. Ты это почему же пришел ко мне без четверти семь, а не раньше? Чтобы бутылку с меня сорвать, да?

— Папаша, попрошу советского рабочего не оскорблять.

— Какой ты, к дьяволу, рабочий! Ты мерзавец, а не рабочий. Рабочий это я. Потому что у меня совесть рабочая есть. Понятно тебе, что такое рабочий?

Тут работяга заговорил уже другим голосом:

— Дедушка, не сердись. Выпить-то кому не хочется, а где возьмешь денег? Семья. Жена песочит...

— Худо песочит! Вы спились, свиньи. В выходной день мертвые, в рабочий день еле ползаете. Докуда это будет?

В общем, преподал урок. Раскалил так, что сквозь землю провалишься.

Не провалился. Назавтра встречаю во дворе — на ногах не стоит.

Так и талант загубить можно

Тетя Паша, семидесятипятилетняя старуха, ни дня, ни часу не училась поварскому делу. Но мне в первоклассных ресторанах не доводилось обедать так вкусно, как у нее.

Тетя Паша не кухарничала — колдовала. Варит, скажем, она суп. Сельдерея, петрушки, укропчика, еще какой травки положит — это само собой. Но зачерпнет ложкой суп, попробует — не то.

Думает, хмурится, пожимает плечами: не хватает чего-то. А чего?

«А ну-ка брошу сухой грибок».

Бросила, опять попробовала и разъехалась в широченной улыбке: вот теперь что надо.

И так с любым блюдом: всегда что-нибудь сотворит неожиданное, найдет никем не предусмотренную приправу, подливу.

У нас тетя Паша прожила полгода, а затем мы расстались.

— Неинтересно для вас готовить. Малоежки,— сказала она на прощание и пошутила: — Так с вами и талант загубить можно.

Всего один день

Афанасий Егорович, больше известный в деревне как Афонька Жила, добрую половину жизни судился со своими детьми, с каждого взыскивал алименты. Ну, а как он мытарил и притеснял жену, про это и говорить нечего: та, бедная, не пивала чая с сахаром досыта.

Перед самой смертью, однако, на старика нашло просветление, и все свои сбережения (а они у него были немалые, хороший, работящий был плотник) он отписал детям. И тут он познал такую радость, такое счастье, какого ни разу не испытал за всю свою долгую, муторную жизнь.

— Ох, ох, ребята,— обливаясь слезами, говорил он из последних сил,— как жизнь-то у бога хорошо устроена. А мне этой хорошей жизни только и выпало, что один день.

План выполняем

Апрельское утро, на улице весна, солнце, от земли пар, а батареи в квартире раскалены — дышать нечем.

Звоню управдому:

— Что вы делаете?

— А ничего особенного. План выполняем по реализации топлива.

— А зимой, когда было холодно в квартире, как на улице, какой план выполняли?

Смеется:

— А зимой мы выполняем план по экономии топлива.

Филька

— Почему под парами-то с утра? А Фильку помянул. Сороковку справляю по своему коту. Соседка-сука на шестьдесят копеек позарилась. Этим живодерам, ну, тем, которые собак да кошек для опытов ловят, сдала. Полсердца у меня отняла, ей-богу.

Ну и кот был, скажу тебе, умнющий! Это все враки: собака умнее кошки. Ничего подобного. Утром не надо будильника. Шесть часов — точно: лапой по лицу. По-культурному, конечно, когти уберет. А иди ты, Филька, к богу в рай.

Отвернешься, перевалишься на другой бок, а он с другой стороны, опять тебя по ряхе: иди. На работу иди. Что и говорить — сознательность!

Или вот, к примеру, насчет выпивона. Ну, тут предатель. Каждый раз голову на лапки и глазами к двери. Как узнаёт, непонятно. Интуиция какая-то, телепатия.

Супружница — вхожу — мне с ходу:

— Опять натрескался?

— Никак нет. Нюхай на.— А я все меры принял, чтобы запахи в себе загасить.

— А Филька-то, смотри, что показывает?

И вот еще покойничек чистоту любил. Это чтобы там нагадить где-либо — ни-ни. Только в ящичек, на песочек. А с улицы вернется, в грязи вывалялся: мойте! Сам к ванной идет, в дверь лапой.

Вот какой у меня кот был. Мне говорят: другого заведи. Есть из-за чего разоряться. Нет, другого кота у меня не будет. Во всю жизнь не будет.

Босиком

По утоптанной, хорошо нагретой обочине песчаной улицы бежит Наденька-зоотехник. Росточком невелика, не в нынешних акселератов, но такая славная, такая беленькая, так красиво перебирает крепенькими, еще не успевшими загореть ногами в красных босоножках, что глаз не отвести.

Вдруг Наденька круто затормозила, припала к земле.

— Что случилось? Не ногу подвернула?

— Нет, босиком пробежаться решила. Шла-шла да вспомнила, как в детстве бегала, ну, нету терпенья. А ладно, думаю, пускай смеются, кому хочется.

И в следующую минуту Наденька, держа в руках босоножки, уже строчила середкой улицы.

И я смотрел-смотрел на ее сверкающие на солнце сытенькие ножки, на всю ее млеющую от удовольствия плотненькую фигурку с высоко поднятой льняной головкой и тоже начал снимать туфли.

На тему воспитания

Виктор Васильцов три года воспитывал племянника-сироту. И что же? К семнадцати годам племянник стал законченным прохвостом.

— Валька,— раз Виктор спросил племянника, — скажи, бога ради, где ты набрался всякой мерзости и пакости?

— У тебя, дядя Витя, — глазом не моргнув, ответил Валька.

— Как у меня? Да разве я когда плохому тебя учил?

— А ты подумай, подумай.

Виктор подумал и заколебался: а может, и в самом деле от него? Ведь он, чтобы правильно, на конкретных примерах воспитывать парнишку, литературку всякую подчитывал — и свою, и зарубежную. Авторитетов на помощь призывал.

Только вот вопрос: почему же он, сукин сын, отбросил все хорошее, положительное, а все плохое, отрицательное взял на вооружение?

Завет отца

Илью Мироновича ценили и почитали на фабрике. Лучший столяр. По тем же стандартам работал, что и другие, но как все делал! Прочно, чисто, красиво. Глаз не оторвешь от его изделий. И потому продукция Мироновича до широкого покупателя не доходила. Ее скупали, что называется, на корню. На нее на самой фабрике была очередь, список специальный даже был заведен.

Но вот пришел новый директор — и сразу же выговор Мироновичу за невыполнение плана.

Миронович подал заявление об уходе.

На фабрике поднялся чуть ли не бунт. Его упрашивали, уговаривали товарищи: дескать, не валяй дурака! Кто уходит с работы за восемь месяцев до пенсии?

Но старик был неумолим.

— Нет,— сказал он,— я так не могу работать. Мне еще отец говорил: «Не сколько сделал, а как сделал». И я этому завету следовал всю жизнь.

И ушел.

Редкое единогласие

(Рассказ шофера такси)

— Пошли с женой в Русский музей на выставку. Картины смотреть. Суббота — делать нечего, не все же на бутылку глядеть.

Ладно, ходим, смотрим, толкаемся. Публики — навалом. Вдруг, вижу, жена тормоза включила и давай крутить вокруг одной картины. «Чего, говорю, вертишься? Не видишь разве — мазня?» А мазня и есть: какие-то обезьяны вместо строительных рабочих. Даже стена-то черт-те что — как будто человек кирпича в жизни не видал.

А рядом дядя мордастый. В очках. «Ты... Поросенок! Не понимаешь — помалкивай». Это мне, значит. «А ты, говорю, свинья, раз я поросенок».

Ну тут кое-кто в смех. Потому как дядя этот, художник, надо быть, может, еще автор этой самой картины, действительно свинья — центнера на полтора будет. Кричит: «Я тебя в милицию за оскорбление сдам».

Сбежался народ. Как, что? Из-за чего сыр-бор? «Да вот, говорю, картина, говорю, мазня, а товарищ не согласен».

Ну люди-то, сами знаете, какие: спокон веку ни о чем не могут договориться, а тут сразу все: мазня!

А я кого выставлю?

(Почти по Чехову)

— Опять звонил твой драгоценный друг.

— Хвостенко, что ли? — Его имя этим эпитетом обычно сопровождает жена.

— А кто же больше!

— Насчет свадьбы?

— Да. Не забудьте, говорит, второго.

— Ну, ты сказала, что я за границу собираюсь?

— Сказала. Так он просто взмолился, только что не зарыдал. Пускай, говорит, отложит свою заграницу. Мне нельзя без него.

— Где нельзя без меня? На свадьбе?

— Ну. Отец у жениха зам. председателя облисполкома, а я, говорит, кого выставлю? А я выставлю писателя.

Радость

После премьеры зашли к артистам и проговорили чуть не до двух часов ночи. Выскочили в величайшей тревоге: как доберемся домой — вот-вот разведут мосты через Неву.

На счастье, попался какой-то запоздалый лихач в маленькой, неказистой машинешке.

— Бога ради, выручите!

— Да я, право, не знаю,— замялся хозяин машины, явно набивая цену.

— Любые деньги плачу!

В общем, уговорили.

Сперва отвезли молоденькую артистку, а уже потом, счастливые, подкатили к своему дому.

— Сколько? — спрашиваю.— Пятерка устроит?

— Н-не на-до...

Я вытащил еще пятерку. Пес с тобой! Кабы не ты, может, еще и сейчас бы загорали возле театра или Невы.

Хозяин машины уже четко, без малейшего заикания сказал:

— Я денег не беру и не хочу учиться брать.

Я не сразу понял, что произошло. А потом от счастья, от радости (впервые встречаю такого частника!) я едва не бросился ему на шею и кончил тем, что протянул букет цветов — подарок от артистов.

— А вот цветы приму с удовольствием,— сказал водитель.— Спасибо.

И я почувствовал, как в темноте, блеснув очками, он мягко улыбается.

И я тоже начал улыбаться.

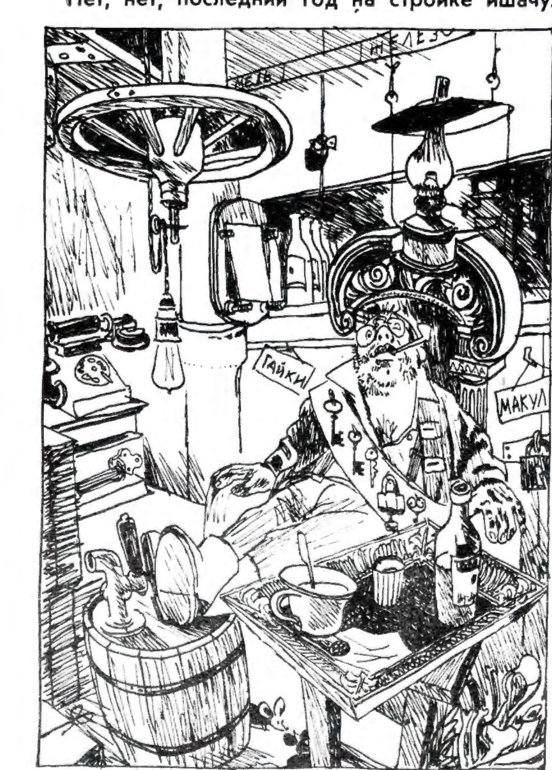
Улыбался на улице, посылая ему прощальный привет. И улыбался дома, ложась в постель.

Кто о чем мечтает

— Между прочим, я любитель по помойкам шататься. Помойка — мой хлеб. Диван выбросили — бегу. Фанера сохранилась, клопы сохранились. Клопы — не надо, фанера пригодится. Дурак выкидывает, а умный подбирает и тому же дураку продает. Не веришь? Заливает Карлин? В ту субботу по помойкам маршрут с утра дал, вижу, дверь валяется. К дому своему притащил, на виду у всех отремонтировал— налетай, кто зимой тепло в своих покоях любит! И вот не прошло и десяти минут — ученый хмырик в очках. Профессор какой-нибудь. Весь коридор в книгах, даже на полу книги. «Желательно вторую дверь поставить — беспокойство с площадки». Пожалуйста. Дверь поставил, лаком мазнул — все довольны: хозяин доволен, и я доволен — пятьдесят рублей.

В другой раз идем с женой из кино. Жена поет: очень красиво кино, про любовь. А я: извини, дай тормоза на минутку. А как не тормоза?! Во дворе — помойка. Цветмет за версту играет. Кастрюля дюралевая — 20 копеек килограмм, бронза-медь — 30 копеек...

Нет, нет, последний год на стройке ишачу.

Квартиру получу — и в мусорщики. Жена да дочь фыркают: позорная профессия. А чем позорная? Воровать, что ли, собираюсь? Вон у меня знакомый мусорщик. В новом доме, в подвале, обосновался. Что тебе кабинет. Все по полочкам, по порядочку разложено, рассортировано: кости отдельно, бумага отдельно, сукно отдельно. Любо войти. Сам себе начальник, сам себе подчиненный. Хочу работаю, хочу в кресло (вот такой бандурой обзавелся), и будем здоровы. Не ради выпивки, а ради продления жизни.

ИЗООБОЗРЕНИЕ

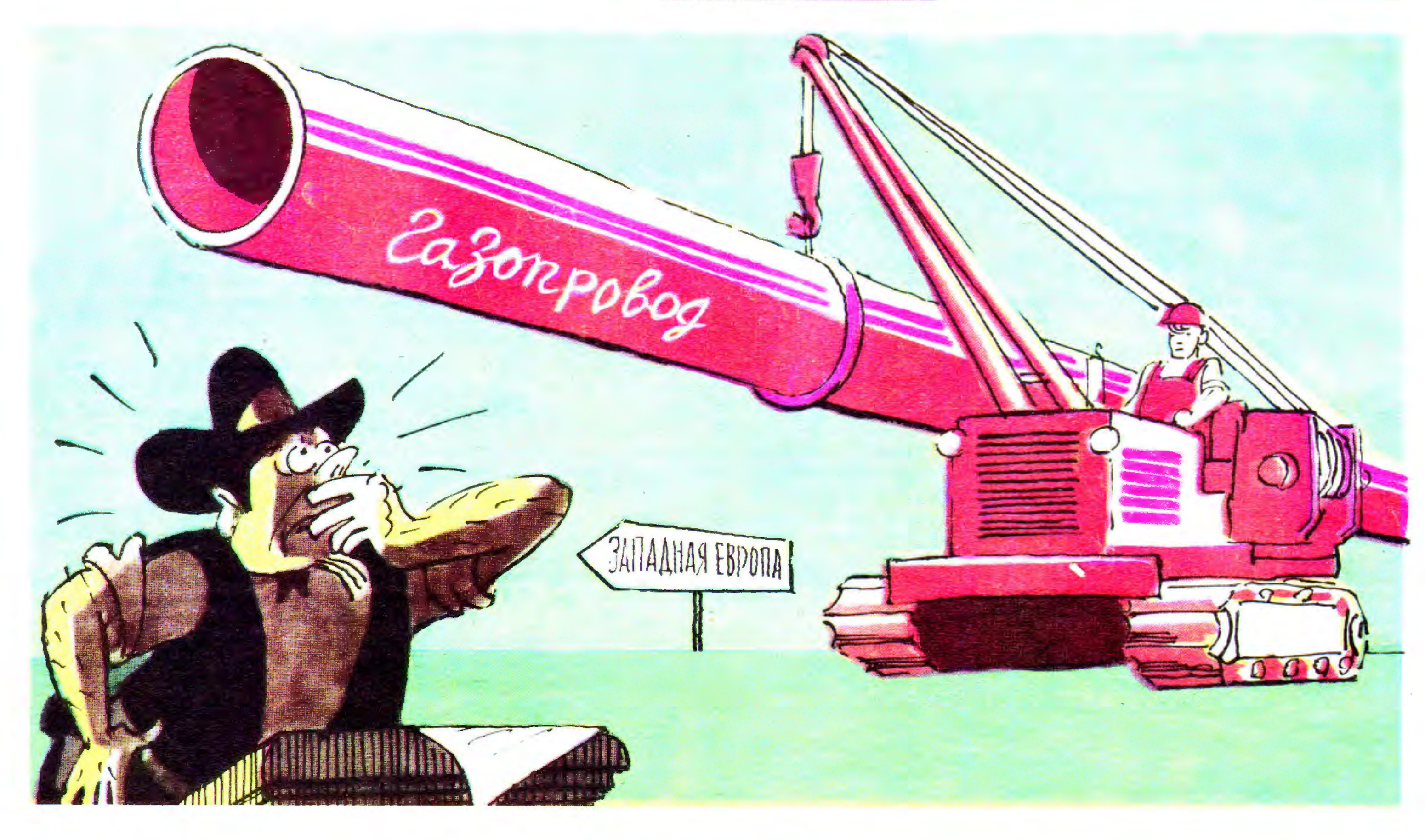
Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Вопреки попыткам США застращать своих западногерманских союзников «советской угрозой» между СССР и ФРГ заключено новое, беспрецедентное по масштабам долгосрочное соглашение «газ — трубы».

ЗАОКЕАНСКАЯ ПРОПАГАНДА...

...И ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

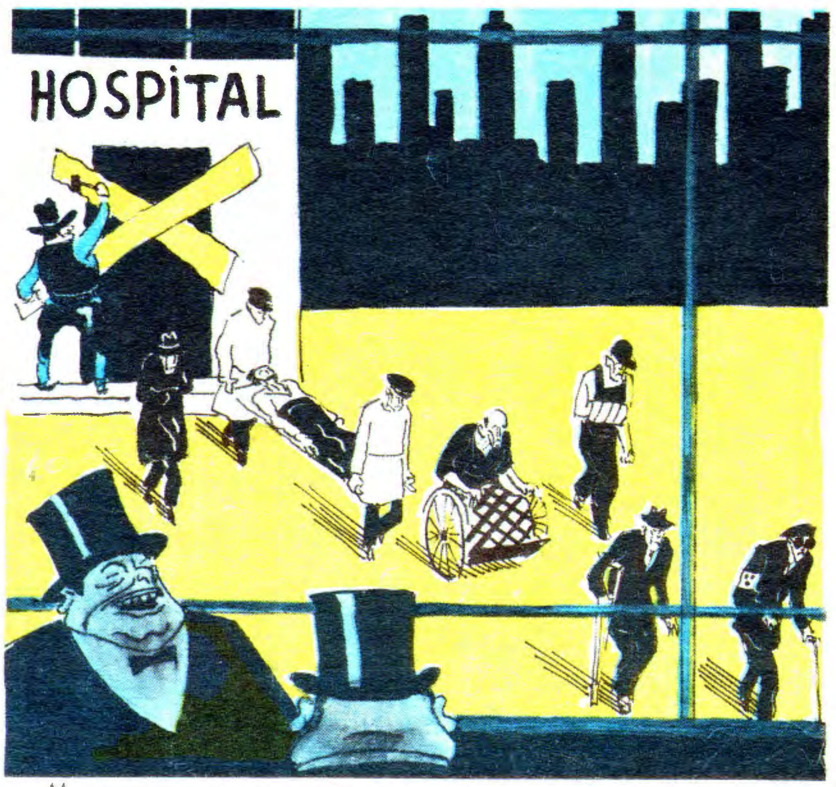

Все сильнее нарастает протест народов против размещения в Западной Европе нового американского ракетного оружия.

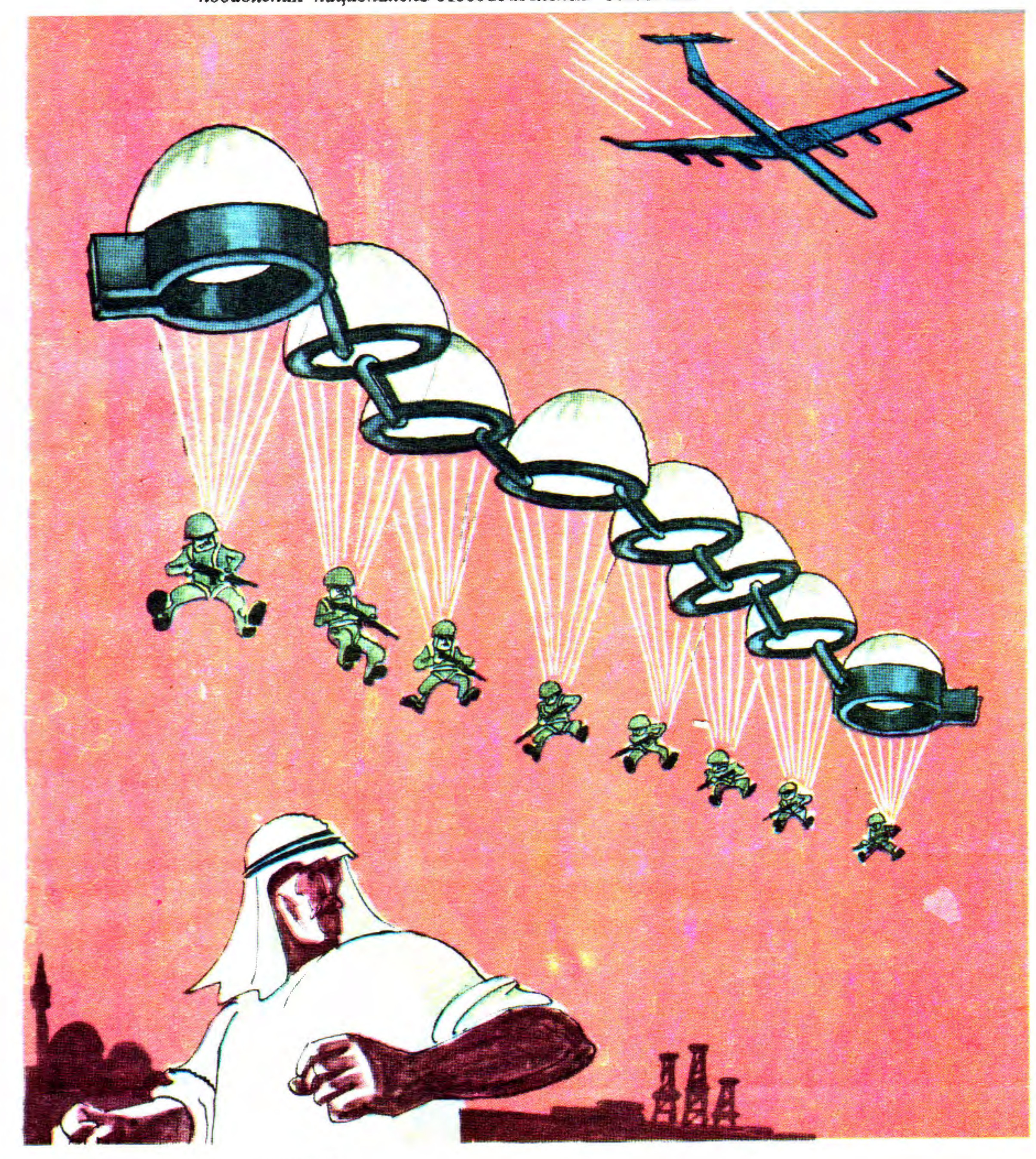
ОБЛОЖИЛИ...

Тратя гигантские суммы на гонку вооружений, администрация США под флагом «оздоровления экономики» резко сократила ассигнования на социальные нужды, в том числе на медицину.

— Мы приступили к оздоровлению нашей экономики.

Американские «силы быстрого развертывания» предназначаются главным образом для подавления национально-освободительных движений.

сКАНДАЛЬНЫЕ МАНЕВРЫ.

Ракеты со всеми удобствами

Министр обороны Италии Л. Лагорио выступил с любезным разъяснением, почему именно район города Комизо на острове Сицилия выбран для базы американских крылатых ракет. «Дело в том,— хозяйственно рассудил министр,— что в Комизо уже имеется обширный участок государственных земель, которого для базы более чем достаточно, там есть аэропорт и хорошая сеть дорог». В общем, намекнул министр, не надо будет отбирать землю у крестьян, а это, конечно, «позволит оградить гражданское население от многих неприятностей».

Ну, теперь-то уж, кажется, вполне потрафил министр Лагорио сицилианцам. Даже, как видим, от многих неприятностей их избавил. Правда, не ото всех. Как уточняет итальянский журнал «Панорама», «26 000 жителей этого сицилийского городка опасаются атомной катастрофы, поскольку они будут вынуждены жить бок о бок с 112 ракетами с ядерными боеголовками мощностью 200 килотонн каждая».

И в самом деле, приятного мало.

А. В.

Красные динозавры идут!

Британия в опасности! Повсюду, куда ни глянь, проникают идеи марксизма, а доверчивые англичане, вконец потеряв всякую бдительность, позволяют обводить себя вокруг пальца. И вот результат: в туманный Альбион вторглись полчища красных динозавров и самым наглым образом ведут крамольную агитацию...

Думаете, шутка? Ничуть. И уж явно не до шуток нынче британскому профессору Л. Халстеду. Зловредные доисторические животные напрочь лишили ученого мужа сна и покоя. Самое же страшное в том, что потакает им не кто иной, как всемирно известный Британский музей, разместив в своих стенах выставку «Доисторические животные. Динозавры и прочие».

Узнав об этом безрассудном с точки зрения доисторической логики шаге, Халстед, потрясая кулаками, заклеймил устроителей выставки в измене и подрывной марксистской работе. Заклеймил не огульно, а, как и следует ожидать от профессора, научно, с аргументами. Вот какие поучительные выводы, согласно португальской газете «Экспресу», могут почерпнуть несведущие англичане у мудрого профессора:

«Выставки, подобные этой, играют на руку откровенно марксистскому тезису, отрицающему постепенную эволюцию и оставляющему место лишь качественным скачкам, то есть революциям».

А вы говорите, динозавры. Не динозавры, а «агенты Кремля», да еще такие здоровенные!

А. БЕНЮХ.

Виталий МЕНЬШИКОВ

Гешефт на страхе

Два десятка промышленников из числа тех, кто, по свидетельству парижской «Франс суар», «делит между собой прибыльный западногерманский рынок противоатомных убежищ», собрались посовещаться в узком кругу, на вилле своего коллеги.

— Яркое свидетельство бума в нашей отрасли,— оповестил гостей хозяин дома,— объявление, напечатанное вот в этой кёльнской ежедневной газете: «Продается вилла в пригороде с участком, бассейном, сауной и противоатомным убежищем». Как моя,— широким жестом обвел он свои владения.— Широк и круг нашей клиентуры. Так что, господа, дела у нас идут в гору, то бишь — под землю. Кстати, прошу именно туда и проследовать.

Приглашенные спустились в противоатомное убежище. Не только свет, но даже воздух казался здесь искусственным. Светотени зеленоватого покойницкого тона легли на физиономии собравшихся. Деловое совещание напоминало слет утопленников.

— И все же, господа,— вздохнул один из гостей,— для бума в нашем гешефте замаячила угроза. Нашему процветанию и благополучию угрожают паникеры из рядов наших собственных бундесбюргеров..,

— Прекрасно! Паника — это страх в квадрате! Следовательно, мощный ускоритель роста наших прибылей...

— Разумеется, мы — за эскалацию страха. Но паника не должна перерастать в паническое бегство из ФРГ! Вот где угроза нашему процветанию. Страхи нашего бундес-Михеля уже зарегистрированы за рубежом! Вот полюбуйтесь. «...Клаусу Вайкерту 34 года,— я цитирую «Франс суар».— Он решил со своей семьей эмигрировать. Через несколько дней они примкнут к группе примерно из 100 западных немцев, отправляющихся в Австралию. В 1980 году 153 000 западных немцев покинули ФРГ, подобно Клаусу Вайкерту, не думая о возможном возвращении».

— Возмутительно! Им собственная шкура дороже наших капиталов, вложенных в их же защиту!

— Предатели, они просто не желают умирать, простите, я оговорился — выживать в наших превосходных, патентованных подземных бункерах,— поддержал его голос справа.

— Хотя бы эмигрировали из фатерланда молча! — вспылил хозяин виллы.— Ан нет! Разглашают во всеуслышание мотивы своего бегства. Вот послушайте того же Вайкерта: «ФРГ — это фронтовое государство, государство будущего поля боя. Когда я думаю о Рейгане, о ракетах, о нейтронной бомбе... боже мой, я думаю, что лучше уехать. Нет, мы не вернемся. Никогда. Я хочу, чтобы мои дети росли где-нибудь в другом месте, а не в стране, которой грозят такие бедствия».

— Трусы! Брали бы лучше пример с нашего фюрера...— ожесточился кто-то из дельцов в темном углу убежища.— Фюрер просидел в бункере до конца...

— Быть может, мы чересчур раздули русскую угрозу? Не выпустить ли немного пара? — раздался чей-то неуверенный голос.— Иначе все наши потенциальные покупатели удерут в страну кенгуру. Надо сделать как-то так, чтобы бундесбюргер вернулся от безумной паники к нормальному, сбалансированному страху.

— Ни в коем случае! Нагнетать и нагнетать! — запротестовал хозяин противоатомной норы.— Советская угроза — это тот сук, на котором мы все сидим, можно сказать, весь наш гешефт с противоатомными убежищами на этом держится! Поэтому я предлагаю заказать миллион плакатов — красный атомный гриб над Бонном — с таким, скажем, текстиком:

Красный гриб тому не страшен,
Кто сидит в подвале нашем! —

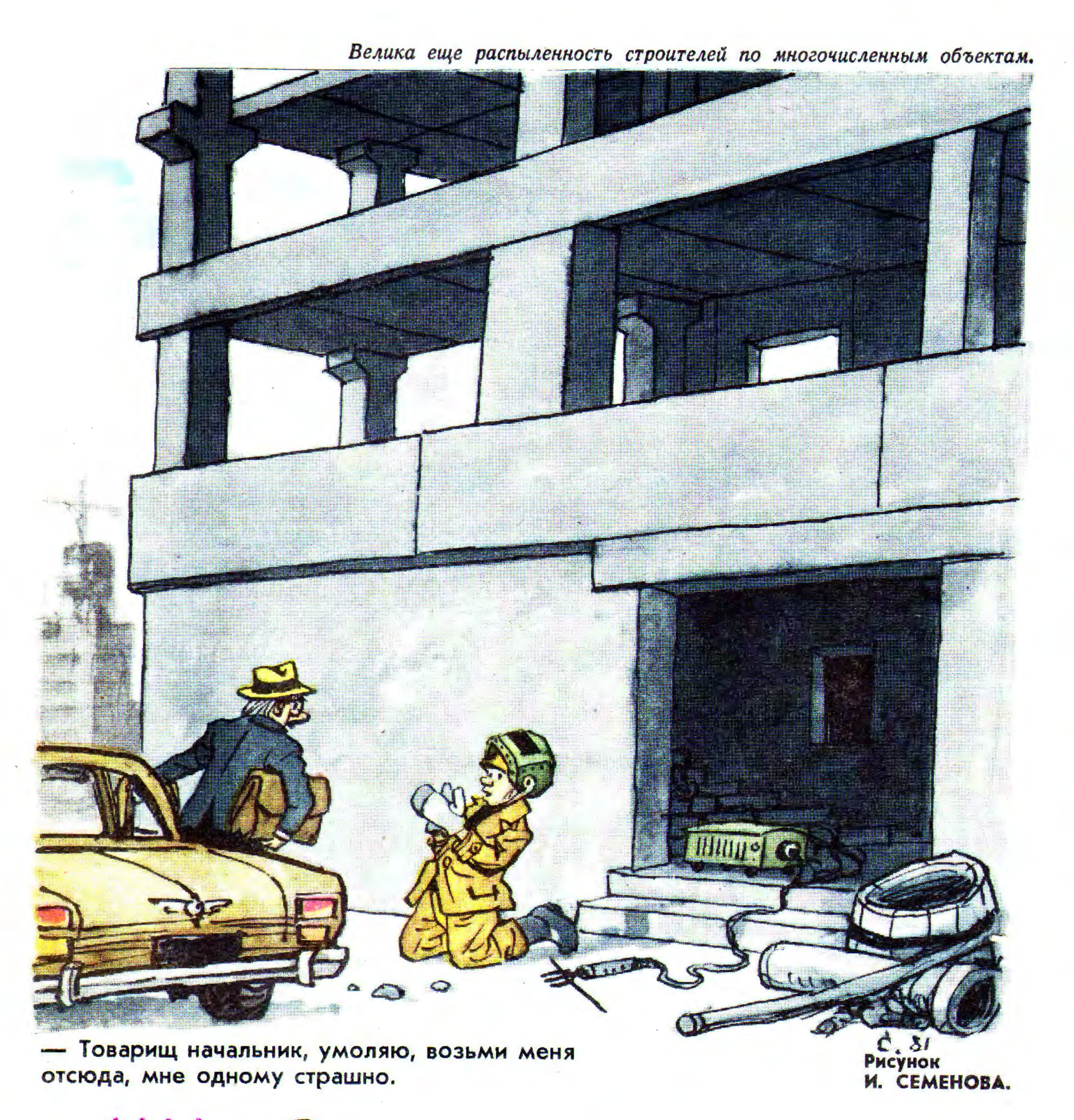
и оклеить ими всю бундесреспублику.

— Хм, рискованно. Саморазоблачимся. И так уже пресса шумит, цитирую ту же «Франс суар», что «страшную картину гибели мира рисуют наиболее экстремистские элементы и самые рьяные торговцы противоатомными убежищами».

— Э, ч-черт, как они догадались!..

В противоатомном бункере сгустилась мрачная тишина. Только по-комариному назойливо звенел кондиционер.

Велика еще распыленность строителей по многочисленным объектам.

— Товарищ начальник, умоляю, возьми меня отсюда, мне одному страшно.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

МИМОХОДОМ

Когда замерзает совесть, самое время греть руки.

С. БЕЛОУСОВ.

Не уверен — не суетись!

И. АБЕЛЬ.

Дети портятся, когда начинают понимать взрослых.

Ген. МАЛКИН.

Не жалейте Сизифа, ему еще повезло. Представьте, что ему пришлось бы еще писать отчеты о проделанной работе.

А. ЛИГОВ.

Иной железный характер лучше всего сдать в металлолом.

Ив. ИВАНЮК.

Постоянно требовал, чтобы вошли в его положение. Вошли. Ничего, жить можно.

А. ПРИХОДЬКО.

Чтобы иметь ангельский характер, надо обладать дьявольским терпением.

В. КАФАНОВ.

Михаил ХОЛМОГОРОВ

Чистый понедельник

Степан Макарыч Грущин, завскладом (120 р. в месяц) и расхититель государственной собственности (120 р. в день), проснулся в чистый, умытый ночною грозою понедельник первого числа, и на душе его стало легко и ясно. Вот сегодня, в этот чистый понедельник, он начинает новую, честную жизнь. Он напишет заявление «по собственному», он пойдет к кому следует и чистосердечно, от всей своей широкой, искренней души расскажет что следует.

Сквозь прозрачную слезу оглядел Степан Макарыч прощальным взглядом хоромы свои. Солнышко ясное, пробившись через переплет оконной рамы (ох, через другие переплеты пробиваться ему теперь!), кокетливо играло разноцветными искрами на хрустальных вазах, выстроенных по серванту, просвечивало розовую пыль над коврами, ласкало рыбок — золотых, голубеньких, черно-серебристых — в аквариумах. Ах, рыбки, рыбки! Ну, так была не была! И Степан Макарыч в легком, освобожденном темпе стал собираться.

В свой кабинет Степан Макарыч прошествовал мимо добрых молодцев, разгружавших что-то эфемерное и безусловно остродефицитное: грузчики ходили с поклажей на цыпочках, а шофер протягивал Степану Макарычу бумажку на списание боя в пути. Вещь-то хрупкая, много ли ей надо? Колдобинка, камешек на дороге — и нет ее...

Зажмурился Степан Макарыч, не стал и глядеть, что ж ему такое привезли. Надо же, в самый день покаяния!

Он расположился в мягком финском кресле на вертящейся ножке, достал шведскую бумагу «верже», американскую авторучку «паркер» с золотым пером, зажмурился от собственной отваги...

И зазвонил телефон. Доброй, очень много обещающей трелью.

— Степа,— сказал телефон,— мне рыбку из Африки привезли. Золото в малине! Такой в зоопарке нет. Ее и везли в зоопарк, да вот споткнулись по дороге, а я о тебе подумал. У тебя ведь нет такой?

И погасло солнышко на кончике пера. Не было такой рыбки у Степана Макарыча! Вот скажи ему телефон про деньги, про пиломатериалы на новую дачу—устоял бы Степан Макарыч. Но рыбки, рыбки... Золото в малине! Кто рыбок любит, тот поймет. И сам скажет Степану Макарычу: «Ладно, Степушка, новую жизнь можно и завтра начать. Почему именно в понедельник? И почему именно первого числа? Это даже и подозрительно. Куда как интереснее приступить к честной жизни во вторник второго».

— Степа,— говорил телефон,—мы друзья, мы должны помогать друг другу. Тут тебе привезти должны кой-чего эфемерного...

— Уже привезли,— простонал в трубку Степан Макарыч.— Так что, придержать тебе?

— Как хорошо, Степа, что ты рыбок любишь! Они тебя добрым и догад...вым делают. Правильно говорят: доброта должна быть действенной. А я тебе к рыбке еще подарок припас... У тебя ведь там с прошлой недельки дефицитик завалялся.

Все знают деловые люди! Завалялся у Степана Макарыча дефицитик, специально на покаяние приготовил, чтоб добрые намерения доказать. Но шалишь! Тут рыбкой не отделаешься!!! Сдаст Степан Макарыч дефицитик кому следует.

— Так вот, Степушка миленький, специально для твоих рыбок, чтоб в уютной квартире жили-поживали, хозяйский глаз радовали. А при таких-то рыбках и самому жить надо по-человечески,— потеплел голос из трубки, но с мягкой угрозою.— Марку держать надо! А то ведь и не поймут. Перламутровый трон для санузла! С цветомузыкой! Ты устраиваешься поудобней, а тут мелодия нежная такая пренежная, а когда водичка польется, мелодия меняется, а по раковине жемчужной лучики разноцветные гуляют...

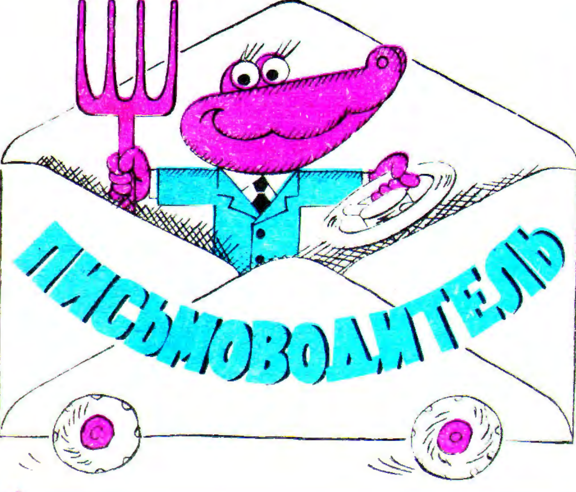
От прогресса аж дух перехватило у Степана Макарыча. Давно ли за голубым фаянсом убивались! А, черт с ним, с дефицитиком этим! Покаяться и без него можно! Но — завтра.

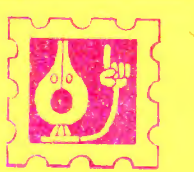
А назавтра к рыбке — золото в малине — привезли самца — малина в золоте. Ну и в квартиру кой-чего. В конце концов и в среду можно всю правду о себе рассказать. И начать новую, честную жизнь.

В среду прислали рыбку с Соломоновых островов. Такой даже в Стокгольмском аквариуме нет. В Лондонском — тоже. Дымчато-сиреневая с голубыми вспышками! Ну и к рыбке кое-что, не в хлеву же ей жить! Зато завтра, в четверг...

XXX

Когда же пришел настоящий день — а было это первого числа, в чистый понедельник, омытый запоздалыми слезами на следствии,— и судья огласил приговор, вздохнул Степан Макарыч легко и свободно. Вот она, новая жизнь, честная-пречестная! Жаль только, мало дали. Выйдешь, а на свободе рыбки плавают.

Отклики и реплики

Я обнаружил, что ассортимент закусок расширился: в заметке «Улыбки в доме тринадцать» (№ 27, 1981 г.) говорится, что «герои рисунков... закусывают удилами».

А. ИГНАТЬЕВ, г. Ишимбай.

На самом деле в заметке сказано: «закусывают удила». Это так же верно, как и то, что героем рисунка может быть лошадь.

В № 20 «Крокодила» написано рифмованное стихотворение «Вор в законе». До чего же отвратительно это вечное просмеивание тещ!

Л. К-О, г. Владивосток.

Согласны. Именно поэтому поэт А. Пьянов просмеивает в упомянутой вами пародии стихи поэта А. Юдахина, который действительно «просмеивает тещ» («Мне снится теща в балахоне верхом на огненном драконе...»). Что такое пародия, см. в словарях.

Письменно и устно

В заметке «Живуч, бродяга!» (№ 17, 1981 г.) рассказывалось о незначительном на первый взгляд житейском эпизоде. А. Юдаев пришел в столовую № 1 г. Михайловки Волгоградской области похлопотать насчет устройства поминок по своей матери. Пищевики, несмотря на уточнение заказчика, что в мероприятии будут участвовать в основном непьющие женщины, выставили на каждый куверт по дозе спиртного.

Как написал нам директор Михайловского комбината общественного питания А. Подгорнов, заметка обсуждалась на собрании коллектива столовой. За нарушение правил приема заказов и навязывание «принудительного ассортимента» заведующая пищеточкой тов. Юрепина привлечена к дисциплинарной ответственности.

Вот такой был исчерпывающий отклик руководителя местного общепита на медвежью услугу его подчиненных. Только мы было подготовили этот письменный ответ к печати, как пришла реплика от А. Юдаева. Он сообщал, что директор А. Подгорнов лично пожелал встретиться с жалобщиком. «Очевидно, хочет дополнительно извиниться за промахи подчиненных»,— решил А. Юдаев, отправляясь на свидание. Однако во время встречи директор комбината повел себя неожиданно. Он принялся упрекать А. Юдаева едва ли не в подрыве финансовой базы комбината, а, касаясь подачи спиртного, сослался на разрешение, якобы полученное от горисполкома...

А. Юдаев остался в полном недоумении. Чему же довериться: письменному или устному заявлению А. Подгорнова?

Давай не закурим!

Опять я увидел тебя, дорогой Крокодил, на первой странице 22-го номера с трубкой в зубастой пасти. А ведь, помнится, лет восемь назад в специальном выпуске журнала, посвященном курению, ты давал зарок покончить с этой вредной привычкой. И вот снова потягиваешь дымок...

А знаешь ли ты, что если все эти годы курил, то в твои легкие попали многие литры табачного дегтя? Да еще бог знает сколько мышьяка, синильной кислоты, сероводорода, полония... Бр! И как только твое сердце выдерживает?

Нет, не сладкая жизнь у заядлых курильщиков. У тебя тоже наверняка бывает бессонница — и не только от одолевающих мыслей, как поострее критиковать разных отрицательных типов, но и из-за курения: мучает кашель, дают себя знать приступы головной боли. А во всем виновата твоя злополучная спутница—курительная трубка.

Вот ты сейчас пускаешь дым кольцами и не думаешь, на сколько сокращаешь жизнь дымом. Ученые подсчитали: курящий укорачивает свое бытие за год на две недели, а в среднем табак уносит 10—15 лет жизни. Вот во что обходится табачный фимиам!

Подумай об этом, дорогой Крокодил, надень очки, отложи ненадолго вилы в сторону и прочитай, что сказал поэт Гете: «От курения тупеешь. Оно несовместимо с творческой работой». Почувствовав это на собственном опыте, он сам в пятьдесят лет бросил курить. И не пожалел! Вот видишь, дорогой Крокодил, как поступил классик. Я даже думаю, что если бы Гете пораньше отказался от вредной привычки, он додал бы человечеству еще энное количество шедевров...

Побереги, дорогой Крокодил, свои силы, тем паче, что тебе тоже скоро стукнет немало — шестьдесят.

Преданный тебе

Анатолий САФОНОВ, г. Москва.

ПРИМЕЧАНИЕ КРОКОДИЛА:

Признаться, это письмо меня устыдило. Верно, был грех: побаловался куревом. Но обещаю впредь быть стойким: ни на людях, ни в журнале не буду появляться с трубкой в зубах. Бросаю курить — окончательно и бесповоротно! И, конечно, предлагаю последовать моему примеру всех пока еще курящих читателей. Давайте не закурим!

...И с плеч долой!

Представляете?

Представляете, сколько было радости у работников СМУ-5 г. Каспийска, когда они наконец вселились в квартиры только что отстроенного дома? Среди счастливцев была и Маажи Мустафаева с двумя детьми.

Представляете, как всполошилось руководство СМУ-5, когда дом начал постепенно разваливаться: треснули стены, вздыбились полы, опала штукатурка?.. И в первую очередь в квартире у Маажи Мустафаевой с двумя детьми.

Представляете, сколько надежд возникло у жильцов дома, когда им объявили, что решено срочно произвести ремонт: стянуть стены скобами, переложить полы, подгримировать там и сям?.. И в первую очередь у Маажи Мустафаевой с двумя детьми.

Представляете, как воодушевилась Маажи Мустафаева с двумя детьми, когда ей предложили перебраться в другую квартиру, так называемую «резервную»? Правда, заместитель начальника СМУ-5 Лелеев сказал:

— Пока суд да дело, подремонтируйте ее сами и оставайтесь здесь на веки веков. Оформим ордерочек, а резервную мы сделаем из вашей бывшей.

Представляете, как изумилась Маажи Мустафаева с двумя детьми, когда однажды на пороге квартиры появился визитер в образе водителя автотранспортного предприятия Рамазанова, не имевшего к строителям никакого отношения, однако заявившего:

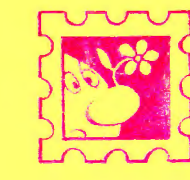
— Освобождай, дорогая, квартиру. Она моя. Согласно договору...

Представляете, как обрадовалась Маажи Мустафаева с двумя детьми, когда узнала о решении прокуратуры оставить ее в покое, так как никакого договора у СМУ-5 с транспортниками не было и означенная квартира тем выделена по ошибке?

Представляете, как смутилась Маажи Мустафаева с двумя детьми, когда к ней явился визитер в образе милиционера и, ссылаясь на другое решение прокуратуры, потребовал освободить квартиру для того же настойчивого транспортника Рамазанова?

Представляете, какие слова должна произносить Маажи Мустафаева с двумя детьми по адресу и руководителей СМУ-5, позабывших оформить ордер, и местной прокуратуры, у которой левая рука не ведает, что вершит правая?

Е. МАКСИМЕНКО, Дагестанская АССР.

Письмо удивленного человека

Марки, ковер и клиенты

Дорогой Крокодил! Ни разу я тебе не писал, а сейчас не могу удержаться.

Однажды я из Орши, где работаю старшим товароведом таксопарка, был направлен в Витебск, на автотранспортный эксплуатационный комбинат. Нужно было получить 10 автопокрышек для автомашин «Волга». И вот как это все происходило.

Директор комбината наложил резолюцию: «Выдать». Казалось бы, все в порядке: выпиши, получи и кати домой в полном удовольствии. Но не тут-то было...

Бухгалтер материального стола сказала: «Клади на стол рубль!» Вообще это не положено, но что спорить из-за рубля — положил. После этого она взяла целлофановый пакетик, положила в него три марки Общества Красного Креста и 10 копеек сдачи. Честный расчет, никакого обмана. После этого мне пришлось сбегать на склад, чтобы узнать цену. На этом формальная часть была закончена. Уж теперь-то, подумал я, неси документы на склад, получай покрышки и кати домой в полном удовольствии. И снова не тут-то было.

На складе почему-то не оказалось кладовщицы, хотя обеденный перерыв уже закончился. Начальник ПТО трижды вызывал ее на рабочее место по громкоговорящей связи — никакого отзвука. Как в воду канула. Появилась она через два с половиной часа в веселом настроении. Под мышкой у нее был ковер. Она его развернула, конечно, собрался консилиум знатоков, началось обсуждение покупки. На мой вопрос: «Когда же вы меня отоварите?» — кладовщица ответила: «Не спеши. Подумаешь, нетерпеливый нашелся».

По долгу службы я бываю во многих организациях, и везде меня отоваривали только тем, за чем я приехал, а не подсовывали в нагрузку марки добровольных обществ. Работники, с кем мне приходилось иметь дело, если и обзаводились коврами, то во внеслужебное время. А на витебском комбинате, видимо, в порядке вещей другой порядок. Но разве это порядок?

И. ЯНЧЕНКО, г. Орша.

ЖИВЫЕ ГЕРОИ «МЕРТВЫХ ДУШ»

— Ба, знакомые всё лица! — воскликнет читатель в духе Фамусова, приоткрыв объемистый том «Мертвых душ», выпущенный недавно издательством «Художественная литература». И будет дважды прав, потому что:

во-первых — главные гоголевские герои действительно так узнаваемы, словно мы только вчера с ними расстались. Именно такими, каковы они здесь, в иллюстрациях народного художника СССР В. Н. Горяева, и живут они в нашей литературной памяти со времен школьных хрестоматий;

во-вторых—и все другие, как говорят, эпизодические лица поэмы, оставаясь персонажами далекой эпохи, почему-то тоже производят впечатление наших давних знакомцев.

И, задумываясь над этим «почему-то», читатель может вообразить себе, как художник включает колдовскую «машину времени» и уносится в туманные дали минувшего, чтобы воскресить и наполнить жизнью не только внешние черты его, но и самый дух, увековеченный пером великого сатирика.

УЛЫБКИ РАЗНЫХ ШИРОТ

Доктор долго осматривал Густава и никак не мог определить, чем тот болен. Наконец он глубокомысленно произнес:

— Идите домой, примите горячую ванну, а потом погуляйте часок-другой без пальто.

— И вы полагаете, это поможет!

— Нет, но вы почти наверняка получите воспаление легких, а его мы легко распознаем и успешно лечим.

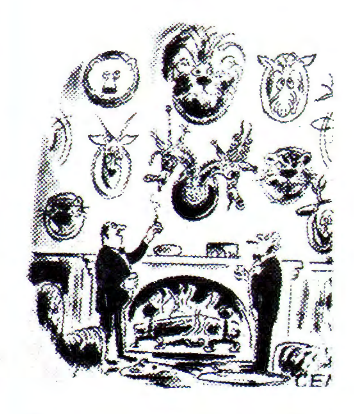
●

Две приятельницы болтают за чашкой кофе.

— Я обожаю природу,— говорит одна.

Другая внимательно посмотрела на подругу и язвительно заметила:

— И это после того, что она с тобой сделала!

— Я не знаю, что это за зверь, но я подстрелил его после одной вечеринки в Найроби.

«Панч», Англия.

●

Механик готовит самолет, который должен лететь из Калифорнии на Гавайи. Подходит пилот и спрашивает:

— Ну, как дела! Чего следует опасаться!

— Акул.

●

Психиатр. Здравствуйте, на что жалуетесь!

Пациент. Мне кажется, доктор, что когда я говорю, никто меня не слышит. Помогите мне, пожалуйста.

Психиатр. Здравствуйте, на что жалуетесь!

●

В замок к своему сеньору возвратился рыцарь. Был он сильно помят, доспехи погнуты, шлем разбит, лицо в крови. Лошадь его хромала, а сам он еле держался в седле.

— Что за беда приключилась с тобой! — спросил сеньор беднягу.

Тот, с трудом выпрямившись в седле, ответил:

— О, я славно поработал для вас, сэр! Я здорово потрепал ваших врагов на севере...

— Что! — вскричал удивленный барон.— У меня нет никаких врагов на севере...

— Э-э...— устало протянул рыцарь.— Не было, так теперь будут!

Муж возвращается поздно ночью и говорит жене:

— Ты никогда не угадаешь, где я был!

— Обязательно угадаю, но сначала мне бы хотелось выслушать твою версию.

●

Супруги Андерсен сидят за вечерним кофе. Хозяйка спрашивает мужа:

— Ты ничего особенного во мне не заметил сегодня!

Муж внимательно посмотрел на жену и неуверенно спросил:

— У тебя новая прическа!

— Нет.

— Новая юбка!

— Нет.

— У тебя сегодня день рождения!

— Нет.

— Может, сегодня юбилей нашей свадьбы!

— Да нет же, болван ты эдакий! Специально, чтобы тебя проверить, я надела противогаз!

●

— Вечно у вас на уме только одно — деньги!

«Прайвит ай», Англия.

●

Известного врача спросили, что такое здоровье.

— Здоровье,— ответил он,— это когда у вас каждый день болит в другом месте.

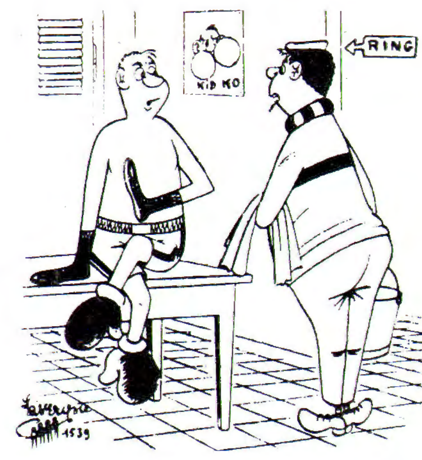
●

Молодой человек поступил на работу в мастерскую, но уже через месяц его уволили. Отец спросил, как это произошло.

— Видишь ли, шеф просто завидовал мне. А ты знаешь, каков он: руки в карманы и прогуливается, смотрит, как другие работают.

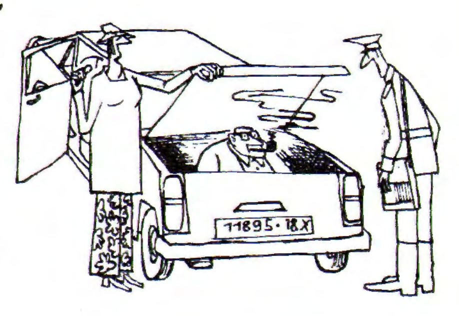
— Так почему же он тебе завидовал!

— Все в мастерской думали, что я шеф.

— Что, я нервничаю?

«Пари гэ магазэн», Франция.

— Я ему запрещаю курить в салоне!

«Ойленшпигель», ГДР.

●

Юноша спросил философа:

— Что такое старость!

— Это такой период жизни, когда будущее уже позади, зато прошлое впереди.

●

Хансену исполнилось сто лет, и репортер местной газеты взял у него интервью:

— А как вы проводите время! — спросил журналист.

— Встаю в девять утра, выхожу за газетой, просматриваю некрологи и, если в них ничего не сказано про меня, иду готовить себе завтрак...

●

— Ах, какие красивые пуговки на рубашке вашего сына!

— Я собрала их в кру́жке для пожертвований на церковные нужды,— грустно ответила жена пастора.

— Да ничего особенного, провожу тихий вечер в семейном кругу, а ты что делаешь?

«Нью-Йоркер», США.

КРОКОДИЛ
№ 1 (2371)
январь

Главный редактор
Е. П. ДУБРОВИН

ЖУРНАЛ ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

Наш адрес:
101455, МОСКВА, ГСП,
БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД, д. 14

Телефоны:
250-10-86
212-21-73

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1922 ГОДА

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Темы рисунков этого номера придумали: В. Ашманов, М. Вайсборд, Р. Друкман, Е. Милутка, С. Спасский, В. Тильман, Ю. Черепанов.

Технический редактор
В. П. БОРИСОВА.

Сдано в набор 7.12.81.
Подписано к печати 15.12.81.
А 05235.
Формат бумаги 70×108 1/8.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,80. Уч.-изд. л. 4,54.
Тираж 5 780 000 экз.
(1-й завод: 1—3 600 000).
Изд. № 44.
Зак. № 1706.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

Индекс 70448. Цена номера 30 коп.

— Кто же это появляется в Нью-Йорке в полночь!!

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.